

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Я. А. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ЭТАПЕ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

(I тысячелетие н. э.)

Горная страна, Дагестан отличается весьма сложным и резким рельефом, поэтому особенности и характер орографии страны не могли не повлиять на процесс развития и самую историю населявших ее племен и народов. С рассмотрения этих особенностей мы и начнем.

Территория Дагестана делится на три географические зоны. Это низменность вдоль западного берега Каспийского моря с примыкающей к ней Кумыкской плоскостью, зона предгорий, расположенная за первым, приморским хребтом, и типичная горная страна — Внутренний Дагестан, упирающаяся в склоны Главного Кавказского хребта и состоящая из его отрогов.

Приморская низменность — естественное продолжение южнорусского степного района. Здесь через Дербентский проход пролегал один из древнейших караванных путей. Он известен еще с эпохи энеолита. Через приморский коридор издавна проникали в Закавказье кочевники — скифы, гунны, хазары. Понятно, что этническая история западного Прикаспия сложна и процесс этногенеза населявших ее народов на разных этапах претерпевал значительные влияния извне.

В ином положении были предгорный и особенно горный районы Дагестана. Известно, что для передвижения кочевых народов горные местности вообще мало пригодны. Первый же хребет со стороны приморской низменности был для степняков-кочевников почти непреодолимым препятствием из-за густых лесов, покрывавших его до сравнительно недавнего времени. Об этих лесах сообщают русские посольские люди, проезжавшие через Дагестан по дороге в Кахетию в начале XVII в.¹ И все же полную защиту оседлому населению предгорий Приморский хребет не мог обеспечить: некоторая часть степняков имела возможность проникнуть в предгорные долины через разломы хребта в районе нынешних селений Кумторкала и Манас, что и нашло свое отражение в своеобразии этногенеза народов северо-восточного Дагестана. Тем не менее, о прочном освоении предгорий кочевниками не могло быть и речи; им там просто нечего было делать.

Что же касается горных районов Дагестана, то здесь развитие родоплеменных коллективов в течение столетий протекало в условиях замкнутости и значительной изоляции от внешнего мира. Посторонние этнические и культурные влияния лишь спорадически проникали за мощ-

¹ С. А. Белакуров, Сношения России с Кавказом, вып. I, М., 1889, стр. 404.

ный предгорный пояс известняковых массивов Внутреннего Дагестана. Медленное и ненарушаемое развитие племен, находившихся в палеометаллическую эпоху на ступенях распада патриархально-родовых отношений, послужило тому, что «археологически реставрируемая история ущелий, ныне занятых разноязычными элементами,— по словам А. А. Миллера,— совершенно едина в основных и существенных чертах, даже в части их детального выражения»². Это единство хорошо прослеживается на памятниках каякентско-хорочоевской культуры, обнимающей огромную область — весь Дагестан как приморский, так и горный. Вероятно, носителями этой культуры были яфетидоязычные племена, названные впоследствии Сграбомом «легами» («лезги») ³. Об этническом единстве носителей каякентско-хорочоевской культуры свидетельствуют многие общие черты погребального обряда, не только в горах, но и в предгорьях Дагестана. Ряд данных приводит нас к заключению, что в недрах этой культуры и в этническом составе ее носителей были заложены основы для формирования горских народов Дагестана — аварцев, лакцев, лезгин, даргинцев и, отчасти, кумыков.

В статье «Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии»⁴ я старался доказать, что развитие племен Дагестана на протяжении многих веков носило автохтонный характер. Причину этого я вижу, прежде всего, в прочной оседлости земледельческого населения предгорной зоны Дагестана и даже его горных районов, где скотоводство никогда не вытесняло полностью земледелия. Пришлые этнические элементы вследствие своей экономической маломощности, а порой и культурно-хозяйственной отсталости, полностью ассимилировались местными племенами, что не нарушило единства этногенеза в пределах Дагестана. Так было на протяжении почти двух тысячелетий, от эпохи ранней бронзы до первых веков нашей эры.

Сравнительная безопасность горных районов от вторжения кочевников сыграла и в дальнейшем положительную роль, обеспечив автохтонный характер формирования горских народностей Дагестана. Надежной защитой для них являлась широкая полоса предгорий. В менее выгодном положении оказались племена, жившие в самих предгорьях особенно в пределах примыкавших к ним плоскостных горно-степных районов у подножия Андийского хребта и Сала-тау.

Для разрешения вопросов, связанных с этнической историей Дагестана, немаловажное значение имеют взаимоотношения дагестанских племен с племенами, населявшими Кавказскую Албанию. Прежде всего, попробуем разобраться, где же проходила северная граница этого государства.

Известно, что на этот счет до сих пор не установилось единого мнения⁵. Некоторые авторы в частности составители «Очерков истории Дагестана», склонны считать, что в состав Албании входил чуть ли не весь Дагестан⁶. Однако это идет вразрез с путями развития дагестанского этноса, по крайней мере с теми, которые были прослежены мною в упомянутой статье. В самом деле, коренной особенностью этнической истории Дагестана в течение нескольких тысячелетий являлась замкнутость развития племенных коллективов не только в горах, но и в значительной степени в зоне предгорий. И вдруг на грани I тысячелетия н. э. эта характерная особенность, вполне закономерная в условиях горной неприступной страны, якобы превращается в свою противоположность:

² А. А. Миллер, Древние формы материальной культуры современного населения Дагестана, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 1, М., 1927, стр. 17.

³ Страбон, кн. XI, гл. 5, 1. ВДИ, 1947, № 4, стр. 222.

⁴ «Сов. археология», 1960, № 3, стр. 17—28.

⁵ К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, стр. 29 сл.

⁶ «Очерки истории Дагестана», Махачкала, 1957, т. I, стр. 22.

Дагестан со всеми населяющими его племенами оказывается в составе соседнего государства.

Какие же аргументы выдвигает В. Г. Котович, автор § 5 главы I «Очерков истории Дагестана», посвятивший этот параграф теме «Дагестан в составе Кавказской Албании»? Прежде всего, он ссылается на показания античных авторов — Страбона, Плиния, Птолемея. Но свидетельства этих писателей крайне противоречивы, особенно в отношении северной границы Албании. Наиболее конкретно определяет ее Плиний. Перечисляя народы, обитавшие в Восточном Закавказье, к югу от сарматов, он пишет: «На самом краю пролива (т. е. на северо-западе Каспия, где, по мнению Плиния, Каспийское море соединялось с океаном.— Я. Ф.) живет скифский народ — удины, за ними, на побережье, — албаны»⁷. Таким образом, по свидетельству Плиния, северными соседями албанов были не сарматы, как пишет В. Г. Котович, а удины. Это вполне согласуется с материалами Таркинского и Карабудахкентского могильников сарматского времени, в частности с наличием в керамике элементов ялойлу-тапинской культуры⁸. Известно, что носителями этой культуры были удинские племена⁹. Продвинувшись с места своего коренного обитания в районе нынешней Нухи на приморскую низменность Дагестана, эти племена подверглись частичной сарматизации¹⁰. «Не являлось ли, — пишет К. Ф. Смирнов, — население Таркинского района первых веков нашей эры частью того смешанного населения из кавказских аборигенов и сарматских племен, которые упомянуты в «Естественной истории» Плиния под именем утидорсов»¹¹. Известно, что эти племена занимали область по северо-западному побережью Каспийского моря между владениями аорсов, расположенными в северокавказских и задонских степях, и Кавказской Албанией, коренной территорией которой было Восточное Закавказье. Но если даже и считать, что переселившиеся в Дагестан удины входили в Албанский племенной союз, то и в этом случае вряд ли можно утверждать, что территория Албании захватывала предгорья, а тем более — горный Дагестан, ибо удины жили в приморской части Дагестана, между собственно Албанией и Сарматией¹². Известно, что после распада Албанского союза в пределах юго-восточного Дагестана как самостоятельное государство уцелела Агвания со столицей в низовьях Самура. Так как Агвания, несомненно, входила в состав Албанского государства в период его расцвета, то, вернее всего, северная граница Кавказской Албании проходила где-то в районе Дербента, к северу от него. Возможно, в состав Албании входила и узкая полоса приморского Дагестана, заселенная удинами, до Тарков. За Тарками начинался сарматский мир.

Ввиду недостаточности археологических и других материалов для решения вопроса о северной границе Кавказской Албании, попробуем выяснить, существовали ли вообще причины, которые могли заставить независимые дагестанские племена, в течение тысячелетий спокойно развивавшиеся под защитой горных хребтов, войти в состав Албанского государства. При этом следует исходить из того, что сам Албанский союз племен возник в целях защиты Восточного Закавказья от набегов

⁷ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 22—29.

⁸ Плиний, Естественная история, VI, гл. 13, § 38—39, ВДИ, 1949, № 2, стр. 302 сл.

⁹ К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе селения Тарки, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем цит. МИА), № 23, М.-Л., 1951, стр. 268.

¹⁰ К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 17—18.

¹¹ Е. И. Крупнов, Каякентский могильник — памятник древней Албании, Труды Гос. Исторического музея, т. XI, 1940.

¹² К. Ф. Смирнов, Указ. раб., стр. 171—272.

¹³ К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 45—46.

кочевников с севера, вдоль восточного берега Каспия, и для борьбы с римскими завоевателями¹⁴.

Дагестанские племена могли быть включены в состав Албании либо насильственным путем, т. е. в результате агрессии со стороны Албанского государства, либо добровольно — в целях самозащиты.

Первое отпадает, так как трудно предположить, чтобы Албания могла поглотить Дагестан в результате военной экспансии: то, что оказалось впоследствии недостижимым для Сасанидов, арабов, Золотой орды, Тимура, тем более было не под силу Албанскому государству, которое почти на протяжении всей своей истории принуждено было защищаться от римских легионов, иранских завоевателей, от армянской экспансии. Следовательно, речь может идти лишь о добровольном союзе дагестанских племен и Албанского государства. Что могло толкнуть независимые горские племена на этот союз? Опасность вторжения кочевников из степей Предкавказья? Но от нападения кочевников дагестанские племена, как мы видели, были защищены самой природой.

В. Г. Котович выдвигает версию, будто причиной объединения дагестанских горцев с Албанией «была экспансия римлян в Закавказье»¹⁵. Но при чем же тут горские племена Дагестана? Горские племена действительно входили в Албанский союз, но то были горцы, жившие на южных склонах Кавказского хребта; они действительно страдали от проходивших мимо легионов римских войск. Какое отношение могли иметь эти легионы к горцам Дагестана,— непонятно. Правда, в 68 г. н. э. Нерон решил предпринять поход к северу от Дербентского прохода, т. е. в Дагестан; однако поход этот не состоялся из-за смерти императора. Не может же быть, что об этом походе заранее прослышали дагестанцы и заранее же решили обезопасить себя тем, что добровольно пошли на союз с Албанией!

Конечно, все эти рассуждения носят формально-логический характер и не подкреплены конкретными данными. Но ведь и защитники «Большой Албании» не приводят объективных и неопровержимых аргументов, что и отмечено в работе К. В. Тревер, посвященной истории и культуре Кавказской Албании¹⁶. Судя по карте, приложенной к этой монографии, автор ее придерживается в отношении северной границы Албании взгляда, высказанного в свое время В. В. Бартольдом: на карте в пределы Албании включена лишь юго-восточная часть Дагестана с Дербентом.

Я не знаю, о каких археологических памятниках, якобы проливающих свет на взаимоотношения Албании и Дагестана в последние века до н. э.¹⁷, говорит В. Г. Котович. Никто, впрочем, и не отвергает наличия между ними связей, ставших традиционными еще со времен глубокой древности,— речь идет о связях населения Дагестана с племенами Закавказья и, прежде всего, восточной его части. Однако бурные события первых веков нашей эры на территории Кавказской Албании не коснулись «Страны гор» — Дагестана. Я имею в виду захват Сасанидами Закавказья, их борьбу с гуннами, позже — с хазарами.

Дагестан продолжал оставаться неприступной крепостью. Леса, которые окаймляли со стороны степей северо-западного Прикаспия предгорные и горные районы Дагестана, служили естественной границей экспансии кочевых народов, настойчиво стремившихся прорваться в Закавказье через приморский Дагестан. Поэтому и в первые века нашей эры под защитой горных лесистых хребтов, стороживших с севера.

¹⁴ Там же, стр. 58.

¹⁵ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 25.

¹⁶ К. В. Тревер, Указ. раб., стр. 29 сл.

¹⁷ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 22.

и востока плодородные долины и пастбища Дагестана, населявшие его племена имели возможность продолжать традиции своих предков в области земледелия и скотоводства. Первобытно-общинный строй изживал себя, зарождались элементы феодальных отношений. Развитие это было автохтонным и подчинялось преемственным связям с предыдущими эпохами.

Сравнительная безопасность района предгорий от вторжения кочевников сыграла и в дальнейшем положительную роль, обеспечив непрерывность процесса формирования горских народностей Дагестана. В менее выгодном положении оказались племена, жившие в самих предгорьях и особенно в пределах примыкавшей к ним Присулакской равнины, у подножья Черных гор и Сала-тау. Об опасностях, грозивших населению равнины со стороны южнорусских степей, свидетельствуют укрепления Сигитминского городища, расположенного на крутом берегу Сулака и датируемого серединой I тысячелетия н. э. На городище сохранилось мощное каменное основание стен; в систему укреплений входила башня и цитадель¹⁸. Можно предполагать, что все эти меры защиты были предприняты местным населением против гуннов.

В IV в. н. э. движение гуннов с востока вызвало большие изменения в жизни населения Азовско-Каспийского междуморья. Около 370 г. в низовьях Дона гунны разгромили аланов. Часть аланских племен отошла на Северный Кавказ, где в верховьях Кубани и Зеленчуков возник один из средневековых центров Албании. Через эти районы с древнейших времен пролегали перевальные пути; одни из них вели в Западную Грузию, другие — связывали народы Прикаспия и Центрального Предкавказья с населением Восточного Причерноморья¹⁹.

Этими путями аланы проникали в дагестанские предгорья. Здесь, за лесистыми хребтами, во второй половине I тысячелетия н. э. возникли аланские поселения. Об этом свидетельствуют материалы Чир-юртовского могильника аланского облика, Палас-сыртского и других памятников²⁰. К тому же времени относятся склеповые погребения и городище около селения Агачкала и склепы близ селения Акуша. Материальная культура, представленная этими памятниками, свидетельствует о росте связей местного дагестанского населения с населением Северного Кавказа. Наряду с этим на материалах раскопок четко прослеживаются традиции, восходящие к предшествующим эпохам.

К. Ф. Смирнов, исследовавший агачкалинский могильник, включает этот памятник в обширную группу памятников Северного Кавказа VI—X вв. н. э. К этой же группе относятся грунтовые могильники у селения Лац, катакомбные погребения Кобани, Комунты и Балт в Северной Осетии, катакомбы у селения Дубаюрт в Чечено-Ингушетии, каменные склепы у селения Гиджид в районе Нальчика и др. Исследователь отмечает, вместе с тем, специфические черты, присущие склеповым погребениям Агачкалы, сближающие этот памятник с большим курганом под Буйнакском, относимым ко времени не позднее III—IV вв. н. э., т. е. почти современным грунтовым погребениям Карабудахкента и Тарков (верхний слой); последние по характеру материалов относятся к памятникам поздней сарматской эпохи²¹.

Сопоставление инвентаря и погребального обряда Буйнакского кургана и несколько более ранних памятников сарматского времени с агач-

¹⁸ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 32.

¹⁹ Т. М. Минаева, Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, МИА, № 23, стр. 273.

²⁰ «Очерки истории Дагестана», т. I, стр. 35; В. Г. Котович, Новые археологические памятники Южного Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959, стр. 154 сл.

²¹ К. Ф. Смирнов, Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXXVIII, 1951, стр. 118.

калинскими склеповыми погребениями, по мнению К. Ф. Смирнова, — «дает основание говорить о генетической связи между населением, хоронившим своих покойников в III—IV вв. в Буйнакском кургане, и населением раннего средневековья в окрестностях Агачкалы»²². К. Ф. Смирнов не определяет этническую принадлежность Агачкалинского памятника, хотя и считает, что население, хоронившее своих покойников в склепах Агачкалы «входило в племенное хазарское объединение Дагестана»²³. Я не решаюсь включать дагестанские предгорья в сферу непосредственного влияния Хазарского каганата; но вряд ли можно игнорировать результаты исследования черепов из Агачкалы: Н. Н. Миклашевская обоснованно сближает их с черепами Дубаюрта и других северокавказских памятников аланского облика²⁴. Скорее всего аланские элементы в краниологическом материале Агачкалы не случайны: расселение алан на восток и юго-восток доказано многими фактами. Даже в XIII в. Гильом де Рубрук обнаружил недалеко от Дербента замок, принадлежавший в свое время аланам. Память о них в то время была еще жива в Дагестане²⁵. Не исключено, что аланские поселения были вкраплены в массив местного населения предгорного Дагестана, так же, как это было на Северном Кавказе²⁶. К таким поселениям могла принадлежать и Агачкала. Кроме того, фрагменты керамики, аналогичные керамике аланских памятников, в частности из городища на р. Гиляч²⁷, обнаруженные на Миатлинском поселении. М. И. Пикуль, исследовавшая Миатлинское поселение, датирует его IX—X вв.²⁸

Отсутствие ярких признаков, которые позволили бы отнести Агачкалу к памятникам аланского облика, по-моему, свидетельствует лишь о том, что культура пришельцев — алан — подверглась сильному влиянию местной культуры аборигенов дагестанских предгорий, достигшей к середине I тысячелетия н. э. значительного уровня. Об этом свидетельствуют предметы из погребального инвентаря Агачкалы, справедливо относимые К. Ф. Смирновым к предметам местного производства²⁹. Вместе с тем закономерно предположить, что просочившиеся в Дагестан аланы очень скоро и основательно подверглись этническому влиянию со стороны местного населения, а позднее были целиком поглощены коренной этнической средой совершенно так же, как это произошло с ними в горных районах Крыма и Северного Кавказа. Материальная же культура пришельцев могла подвергнуться сильному влиянию аборигенов уже на первом этапе соприкосновения с ними алан. Аналогичное явление имело место, например, в русской Тмутаракани, где пришельцы — русы весьма быстро переняли материальную культуру аборигенов Таманского полуострова, что в значительной степени затруднило исследование Таманского городища³⁰. Во всяком случае не учитывать алан в числе северокавказских пришельцев, обосновавшихся в предгорном Дагестане, невозможно: вспомним, что говорит Прокопий

²² Там же, стр. 118.

²³ Там же, стр. 119.

²⁴ Н. Н. Миклашевская, Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», т. I. Махачкала, 1959, стр. 189.

²⁵ Г. Рубрук. Путешествие в восточные страны, М., 1957, стр. 186.

²⁶ «Очерки истории СССР. III—IX вв.», М., 1953, стр. 632 сл.

²⁷ Т. М. Минаяева, Указ. раб., рис. 18, 2, 4, 6 и стр. 300.

²⁸ М. И. Пикуль, Раскопки на Сулаке в 1955 г., «Материалы по археологии Дагестана», т. I, стр. 173 сл.

²⁹ К. Ф. Смирнов, Агачкалинский могильник..., стр. 119.

³⁰ Б. А. Рыбаков, Древняя Тмутаракань и проблемы славянской колонизации Приазовья, «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г.», М., 1954, стр. 17—19.

Кесарийский: «...Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы»³¹. Этой страной является, несомненно, весь северо-восточный Кавказ, включая предгорный Дагестан до «Каспийских ворот», т. е. до Дербента (ср. свидетельство Рубрука).

Глубже в горах расположен Акушинский могильник. Как по инвентарю, так и по антропологическим материалам он должен быть отнесен к памятникам, аналогичным Агачкалинскому: параллели наблюдаются и в погребальном обряде³².

Кроме этих двух памятников, следует упомянуть обследованное мною в 1948 г. большое городище в урочище Гент-орун, в трех километрах от селения Карабудахкент. Во время осмотра памятника были найдены остатки фундаментов из тесаного камня-известняка, огромное количество керамики, близкой к агачкалинской. Среди собранного материала имеется несколько фрагментов спекшейся в огне саманной массы: селение погибло от пожара. Сохранилась легенда, что оно было разграблено и сожжено Тимуром. Другое городище обнаружено мною невдалеке от селения Уллубиаул, третье — около селения Кака-махи. Подъемный материал исследован К. Ф. Смирновым и позволяет отнести эти памятники к VI—XI вв. Керамика, особенно с красным лощением, близка к азербайджанской того же времени. Следует отметить, что все три памятника расположены в зоне предгорий и защищены со стороны прикаспийского коридора Приморским хребтом.

Обилие памятников, не только объединяемых хронологически, но и связанных между собою общностью материальной культуры, свидетельствует о том, что здесь, в предгорьях, на грани II тысячелетия н. э. сосредоточивалась хозяйственная жизнь коренного земледельческого населения (находки жерновов и зернотерок в Агачкале, Карабудахкенте, Гент-оруне), генетически связанного с исконным населением Дагестана. Прослеживаемые на археологическом материале связи с Северным Кавказом носят вторичный характер, а потому не разрывают нити преемственности, связывающей целую серию памятников, начиная от эпохи бронзы, через памятники сарматского времени с погребальными сооружениями и поселениями раннего средневековья. Эта связь подтверждается не только особенностями погребального ритуала и антропологическими параллелями, но и местным происхождением многих вещей агачкалинских склепов и акушинских катакомб³³.

Генетическая и культурная преемственность на протяжении стольких веков является ярким доказательством автохтонности процесса этногенеза, протекавшего в дагестанских предгорьях в условиях этнического и культурного взаимодействия коренного населения с пришлыми элементами. В результате и была заложена основа формирования современных народов, занимающих ныне предгорный Дагестан.

Характерные черты материальной культуры предгорного Дагестана, а также антропологические материалы упомянутых выше памятников раннего средневековья являются отражением усилившихся связей с Северным Кавказом. Это новое явление в этнической истории Дагестана нетрудно объяснить, если принять во внимание политическую обстановку, сложившуюся в конце первой половины I тысячелетия н. э. в западном Прикаспии. К этому времени юго-восточные районы Закавказья, включая Албанию, оказались в руках Сасанидов. Степная часть Предкавказья, а также вся западно-прикаспийская низменность вплоть до

³¹ Прокопий из Кесарии, *Война с готами*, М., 1950, стр. 381.

³² В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов, *Акушинский могильник*, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 60, 1955, стр. 150—154.

³³ К. Ф. Смирнов, *Агачкалинский могильник...*, стр. 119; В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов, *Указ. раб.*, стр. 154.

Дербентского дефиле вошли в сферу влияния Хазарского каганата. В низовьях Терека и Сулака осели племена басилов и савиров, зависящие от каганата; здесь возникли богатые ремесленные и торговые центры Варачан и Семендер.

Настойчивые и небезуспешные попытки кочевников Северного Кавказа проникнуть в Закавказье заставили Сасанидов приступить к постройке системы мощных оборонительных сооружений в районе нынешнего Дербента³⁴. Дагестан оказался отрезанным от Закавказья, а вместе с тем нарушились традиционные связи населения дагестанских предгорий с юго-восточным Кавказом, в частности с албанскими племенами. В Дагестан с севера начали просачиваться чуждые этнические элементы: степняки-тюрки — в плоскостные районы, горские племена, в том числе аланы, — в предгорья.

Обнаруженные аланские элементы в краниологическом материале упомянутых выше памятников раннего средневековья, а также новейшие археологические открытия в Дагестане (Чир-юртовский могильник аланского облика и др.) побуждают обратиться к некоторым фактам, касающимся того же времени и сообщасмым литературными источниками.

Известно, что перешедшие к оседлости аланы обитали в защищенных горными отрогами и лесистыми хребтами долинах Северного Кавказа, строили укрепленные поселения на торговых путях, соединяющих Причерноморье с Прикаспием. В руках аланов находились также важнейшие перевальные пути, в частности Дарьяльские ворота — «Ворота Алан».

О политическом значении аланского союза племен можно судить по высказываниям арабского географа первой половины X в. Масуди: «...Царь аланов выставляет тридцать тысяч всадников. Это царь могущественный, сильный и пользующийся влиянием большим, чем остальные цари. Царство его представляет непрерывный ряд поселений, настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве»³⁵. Характерным образцом аланского укрепленного поселения может служить городище на р. Гиляч в верховьях Кубани, расположенное на неприступной скале³⁶. Можно допустить, что подобным же укрепленным поселением было Агачкалинское городище с прилегающим к нему могильником. Оно расположено на плато с крутыми склонами и окружено возвышенностями, некогда лесистыми («Агачкала» — лесная крепость). При исследовании этого памятника, как и на Гилячском городище, обнаружено большое количество оружия и конского снаряжения, что характеризует население Агачкалы как «конных воинов, боевую дружину раннефеодального облика»³⁷. Обилие оружия свидетельствует вместе с тем не только о воинственности населения дагестанских предгорий в эпоху раннего средневековья, но и о необходимости быть постоянно начеку из-за возможности прорыва в предгорья вражеских отрядов из присулакских степей вдоль долины реки Шура-озень, прежде всего хазар. Характерно, что именно в долине Шура-озень, на обрыве хребта находился замок (близ селения Капчугай), который мог являться сторожевым пунктом, охраняющим путь из степей в дагестанские предгорья.

Я не имею в виду ставить знак равенства между Гилячским и Агач-

³⁴ Е. А. Пахомов, Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 9—10; его же, Пехлевийские надписи Дербента, «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V, Баку, 1929.

³⁵ «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, Тифлис 1908, стр. 54.

³⁶ Т. М. Минаева, Указ. раб., стр. 273—302.

³⁷ К. Ф. Смирнов, Агачкалинский могильник..., стр. 117.

калинским памятниками в отношении их этнической принадлежности: в Агачкале аланский элемент прослеживается лишь на антропологическом материале, остатки же материальной культуры говорят прежде всего о связях Агачкалы с памятниками предыдущих эпох (см. выше). Но, как мне кажется, аланские элементы нашли свое отражение в Агачкале не случайно.

О политическом преобладании в VII—X вв. в дагестанских предгорьях алан свидетельствуют многие средневековые источники. Вот что пишет, например, Ибн аль-Асир: «Во дни Кобада (один из Сасанидов, 488—531 гг. — Я. Ф.) выступили хазары и вторглись в его страну и дошли до Динавера. И послал Кобад против них военачальника... во главе двадцати тысяч воинов... Затем он построил преграду Алана между областью Ширвана и воротами Алана». Что под «воротами Алана» здесь следует подразумевать Дербентскую теснину, а не Дарьял, который в источниках чаще всего называется «Воротами Алан», явствует из того, что дальше автор пишет: «И построил над преградой много городов, которые были разрушены после постройки Баб-аль-Абваба (Дербента. — Я. Ф.)»³⁸.

Таким образом, говоря о «преграде», воздвигнутой Кавадом для защиты сасанидского Закавказья от вторжения кочевников из северного Прикаспия, автор связывает ее как территориально, так и стратегически с районом Дербента. О какой же «преграде» пишет Ибн аль-Асир?

На берегу реки Гюльген-чай, южнее Дербента, до сих пор сохранился вал, который тянется от берега моря до горного отрога. Примерно через каждые 50 м можно распознать следы башен. На другом берегу реки также сохранились остатки вала, которые представляют собою развал стены, сложенной из кирпича-сырца. Общее протяжение стен достигает 30 км. В предгорьях каждая стена упирается в мощную цитадель. Далее к северу, в сторону Дербента, до сих пор заметны следы оборонительных сооружений, воздвигнутых почти полторы тысячи лет назад Сасанидами³⁹.

После постройки дербентских укреплений сыном Кавада Хосровом Ануширваном все эти сооружения оказались ненужными, так как дербентские стены и прилегающие к ним оборонительные сооружения были выдвинуты на самые северные рубежи обороны сасанидского Ирана и, таким образом, прикрывали собою Гюльгенчайскую линию обороны. Если бы речь в тексте Ибн аль-Асира шла о преграде со стороны Дарьяльских ворот («Ворота Алана»), автор вряд ли стал бы связывать фортификационные сооружения шаха Кавада с Дербентской тесниной и с фактом постройки Баб-аль-Абваба, т. е. Дербента.

И все же, хотя в «Тарих-аль-Камиль» речь идет об одном из эпизодов борьбы Сасанидов с хазарами, Ибн аль-Асир называет важнейший стратегический пункт, ключ к Дагестану, — Дербент — не «Воротами Хазара», а «Воротами Алана», подчеркивая тем самым если не этническое, то, во всяком случае, политическое преобладание аланского элемента в стране, расположенной к северу от Дербента, т. е. в Дагестане. Исторические события, описанные Ибн аль-Асиром, относятся примерно ко времени ранних агачкалинских склеповых погребений, а может быть, и акушинских катакомб, склепов в Гели и других памятников, в какой-то мере перекликающихся с аланскими памятниками Северного Кавказа. Вот почему после открытия в Северном Дагестане Чир-юртовского могильника аланского облика и Миатлинского поселения, а также могильника в урочище Палас-сырт в южном Дагестане эти совпадения не могут не быть признаны знаменательными.

³⁸ «Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира», пер. П. Жузе, Баку, 1940, стр. 9.

³⁹ Е. А. Пахомов, Указ. раб., стр. 39.

О наличии оседлого аланского населения к северу от Дербентской теснины свидетельствует также сирийский автор VI в. (время ранней Агачкалы) Захарий Ритор: «...За воротами (Дербентской тесниной.— Я. Ф.) живут бургары со [своим] языком... и аланы, у них пять городов». К этой же группе народов «варварских», также имеющих города и крепости, принадлежат, по словам Ритора, люди «из пределу Даду», которые «живут в горах, у них есть крепости»⁴⁰. Из этого вытекает, что оседлыми народами за Дербентской тесниной были аланы и племена «из пределов Даду». И если о «бургарах» (булгары.— Я. Ф.) Ритор говорит неопределенно, то в отношении хазар, о которых речь идет дальше, подчеркивается, что они «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, диким зверьем и оружием»⁴¹. Таким образом, в «Хронике» Захария Ритора хазары предстают перед нами как народ кочевой и воинственный, что вполне согласуется с характеристикой других современных Ритору авторов, например Моисея Каганкатваца⁴².

Насколько прочна была традиция, приписывающая аланам оседлость в предгорьях Дагестана, можно судить по тексту отрывка из сочинения Ибн аль-Асира, в котором автор описывает события начала XIII в., т. е. отстоящие почти на семь веков от времени написания «Хроники» Захарием Ритором. И вот оказывается, что и в XIII в. аланы были известны в качестве коренных насельников предгорного Дагестана: «...Отряд (татаро-монголов.— Я. Ф.), покончив с Азербайджаном и Аранией, идет в Дербент Ширванский и овладевает городами его, и ничто не спасается, кроме крепости, в которой был царь их; от него отряд проходит к аланам, лезгинам и другим племенам, находящимся в этих ущельях»⁴³. Напомним, что Рубрук, проезжавший через Дагестан в пятидесятых годах XIII в., пишет, что «прежде чем добраться до Железных Ворот (Рубрук ехал со стороны Тарков.— Я. Ф.), мы нашли один замок аланов... На следующий день мы добрались до Железных ворот»⁴⁴. Значит, действительно в дагестанских ущельях даже в XIII в., наряду с «лезгинами», обитали и аланы. Память о них была свежа еще во время путешествия Рубрука, т. е. уже после татаро-монгольского вторжения, когда сама Алания героически защищалась против попыток татаро-монголов поработить народы, укрывшиеся за горными хребтами Кавказа.

Можно было бы привести ряд упоминаний средневековых авторов о племенах, живших в горах и предгорьях Дагестана. Кроме аланов, там жили лезги; упоминаются также жители «Страны Престола» — Авари, Гумика—Кумуха, Зерихгерана — Кубачей. На территории Дагестана, там, куда уже в начале V в. проникает военно-политическое и культурное влияние государства Сасанидов, а затем — арабского халифата, сложились раннефеодальные образования, такие, как Серир, Гумик, Джидан. О них имеются довольно подробные известия у средневековых авторов. Большинство из них — арабские, византийские, армянские, сирийские — упоминают еще об одном народе, история которого некоторыми авторами тесно связывается с историей Дагестана. Это — хазары.

Однако из текста этих источников явствует, что хазары VII—IX вв. рассматривались Ираном и халифатом в качестве врага, вторгавшегося через приморский Дагестан в Закавказье. Нередко источники сообща-

⁴⁰ См.: Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР М.-Л., 1941, стр. 165.

⁴¹ Там же, стр. 165.

⁴² М. Каганкатваца, История Агван, СПб., 1861, стр. 90.

⁴³ Ибн аль-Асир, О первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны, перевод проф. И. И. Ильминского, «Ученые записки Академии наук по I и III отд.», т. II, СПб., 1854, стр. 641.

⁴⁴ Г. Рубрук, Указ. раб., стр. 188.

ют о разгроме хазар приморской низменности, большею частью к северу от Тарков, т. е. вне собственно дагестанской горной страны.

Когда вчитываешься в арабские хроники, повествующие о борьбе арабов с хазарами, перед глазами невольно встает картина полного запустения и одичания приморского Дагестана в эту эпоху. В самом деле, в течение лишь первой половины VIII в. боевые действия на территории Дагестана, по свидетельству Ибн аль-Асира, происходили в 706, 721, 722, 723, 726, 727, 728, 729, 731, 732, 738 гг.⁴⁵. Нетрудно представить себе, во что превратилась страна — арена, на которой происходили эти бесчисленные битвы. Об ожесточенности их красочно повествуют арабские хроники.

Сражения между конными войсками арабов и хазар происходили, конечно, не в горных районах, заселенных коренными дагестанскими племенами, а в степных пространствах западного Прикаспия, в том числе — на протяжении низменной полосы Дагестана. Районы эти совершенно обезлюдели. Описывая поход арабов в Хазарию в 725 г., Ахмед ал-Якуби пишет: «...Маслама направился в страну, принадлежащую хазарам, и дошел до Джурзана, который завоевал и перебил часть жителей. Далее он прибыл в Маскат и заключил с его жителями мир, а конницу двинул в страну лакзов (лезгин, лезгов.— Я. Ф.), жители которой заключили с ним мир. И отправил он часть войска в Табарсаран, жители которого заключили с ним мир, а затем пустился в страну и шел, не встречая никого, пока не достиг Варсана. И встретил хакана, царя хазар»⁴⁶.

Из приведенного отрывка следует, что войска Масламы по дороге в Хазарию завоевали ряд стран, в том числе Джурзан и Маскат, которые находились к югу от Дербента, т. е. вне пределов хазарского политического влияния. Далее арабы вторглись в страну «лакзов»; на юго-востоке Дагестана, и, пройдя ее, попали в безлюдную страну, простиравшуюся до самого Варсана, вероятно — Варачана армянских авторов. Некоторые исследователи локализуют Варачан в низовьях Сулака и Терекка⁴⁷. С. Т. Еремян считает, что Варачан находился вблизи г. Буйнакска⁴⁸. Только здесь арабы обнаружили войска хакана. Из контекста следует, что безлюдной страной была низменность западного Прикаспия, по крайней мере ее южная часть от Табасарани до Тарков, т. е. именно главная арена битв между хазарами и Сасанидами, позже — между хазарами и арабами.

О безлюдье приморского Дагестана свидетельствует также аль-Истахри: «...Налево от Абаскуна (средневековый город на южном берегу Каспийского моря.— Я. Ф.) сплошь заселенные места, кроме промежутка между Баб-ал-Абвабом и Хазарами»⁴⁹. Приведенные отрывки свидетельствуют о том, что собственно хазарская территория не простиралась до Баб-аль-Абваба (Дербента), а отделялась от этого пункта безлюдным пространством — нейтральной зоной между владениями хакана и страной, захваченной арабами. Возможно, что безлюдное пространство тянулось до самого Семендера, от которого до Баб-аль-Абваба было (по Истахри) четыре дня пути⁵⁰. Семендер служил хаза-

⁴⁵ «Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль...», стр. 22—32.

⁴⁶ Из соч. Якуби «История», перевод П. К. Жузе, «Материалы по истории Азербайджана», вып. IV, Баку, 1927, стр. 7.

⁴⁷ С. П. Толстов, Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 91; Б. А. Рыбаков, Русь и Хазария. Сб.: «Б. Д. Грекову ко дню его семидесятилетия», М., 1952, стр. 76—89.

⁴⁸ С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Варз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитвару, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.-Л., 1939, стр. 145.

⁴⁹ Ал-Истахри, Книга Месалик ал-мемалик, «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 169.

⁵⁰ Там же.

рам опорным пунктом их экспансии на юг, в Закавказье. Об этом прямо говорит арабский автор второй половины X в. Ибн-Хаукаль в отрывке, посвященном описанию хазарских вооруженных сил и стратегии хазарских каганов: «...я не знаю,— свидетельствует он,— чтобы было в области хазар другое сборное место, кроме Семендера»⁵¹. Отсюда отправлялись со своими войсками хазарские каганы в поход, стремясь проникнуть через дагестанский приморский коридор и Дербентскую преграду в Закавказье.

В то же время в предгорных районах Дагестана, защищенных со стороны степных пространств Прикаспия, в частности со стороны дагестанского приморского коридора, труднодоступными для кочевников лесистыми горными складками, в районах древнейшего земледелия жили местные оседлые племена. Они имели города и крепости и продолжали развивать самобытную культуру. Ассимилируя пришлые элементы, в том числе алан, местные племена обогащали свою культуру, которая легла в основу культуры современных народов.

Предложенная концепция относится к периоду VII—X вв., т. е. ко времени борьбы Хазарского каганата с арабами за политическое господство в Закавказье. Эта борьба отвлекала значительные силы арабов и тем самым объективно обеспечила в некоторой степени народность Дагестана возможность самостоятельного развития.

Как известно, экономической основой Хазарского государства являлось полукочевое хозяйство, а также грабительские набеги и взимание дани с «примученных» соседей. Такое соседство ускорило политическую консолидацию земледельческих, а в горах — скотоводческих племен Дагестана.

Анализ фактов, приведенных в статье, позволяет наметить некоторые характерные особенности этногенеза народов Дагестана в эпоху раннего средневековья.

На протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. дагестанские племена продолжают самостоятельно развиваться. Сохраняются традиционные связи Дагестана с Восточным Закавказьем, особенно в пределах прикаспийской низменной полосы и южной части предгорий. Что касается политического влияния Кавказской Албании, то вопрос этот, за неимением достаточных данных, следует считать открытым. Можно предполагать, однако, что в состав Албанского союза племен входили лишь племена юго-восточного Дагестана, занимавшие низовья Самура и район Дербента. Возможно, что в первые века нашей эры влияние Албании распространялось и на удинов, т. е. на всю приморскую часть Дагестана. Что касается северных предгорий, а тем более горной части Дагестана, то возможность включения их в состав Албанского государства сомнительна, а доказательства, приводимые на этот счет некоторыми авторами, неубедительны.

Савиры, населявшие плоскостной Дагестан, т. е. низовья Терека и Сулака (Берсилию византийских авторов), еще в догуннское время⁵², вероятно, проникали в ближайшие предгорья. Однако это не нарушало непрерывности процесса этногенеза, протекавшего на территории, которая впоследствии стала колыбелью кумыкской народности. Об этом свидетельствуют связи, прослеживаемые на таких памятниках, как большой Буйнакский курган, Карабудахкентские могильники, склеповые погребения Агачкалы. Эти памятники преемственно связаны между собой, а также с памятниками более ранних эпох, в частности с памятниками каякентско-хорочоевской культуры.

⁵¹ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, стр. 119.

⁵² «Очерки истории СССР III-IX вв.», М., 1958, стр. 553.

Мне кажется, что Е. И. Крупнов правильно связывает вопрос о са-вирах с проникновением в коренную этническую среду Дагестана ираноязычных элементов, которое началось еще в скифо-сарматскую эпоху⁵³. Но в пределах Центрального Кавказа в результате этого внедрения образовалась на местной этнической базе ираноязычная осетинская народность; в Дагестане же, как и на территории Северо-Западного Кавказа, иранская лексика была побеждена местными языками, на базе которых сформировались современные языки коренных дагестанских народов. Исключение составляют кумыки, которые в силу особых исторических условий вошли в семью тюркоязычных народов, хотя и являются коренной народностью Дагестана⁵⁴.

Конец первой половины I тысячелетия н. э. ознаменовался событиями, имевшими огромное значение для всей последующей этнической истории предгорного Дагестана. Я имею в виду проникновение гуннов в Закавказье, утверждение Сасанидов в Азербайджане и возведение мощной Дербентской преграды. С этого момента традиционные связи Дагестана с Восточным Закавказьем нарушаются и принимают эпизодический характер, ограничиваясь в основном областью культурного обмена. Основой этих связей почти исключительно становится культурный обмен Северо-Восточного Кавказа со странами Передней Азии. Это нашло свое отражение в инвентаре таких памятников, как Агачкалинские склеповые погребения, Чир-юртовский могильник и др.

Одновременно с затуханием связей Дагестана с Закавказьем усиливаются и становятся более устойчивыми связи этой страны с Северным Кавказом. Особенно ярко проявляется это в проникновении алан в дагестанские предгорья. Аланские пришельцы сыграли немаловажную роль в формировании основного этнического пласта, по крайней мере в предгорном Дагестане. Возросшая же к началу второй половины I тысячелетия опасность с юга — со стороны Сасанидского Ирана, а затем арабов, и с севера — со стороны кочевников способствовала вытеснению феодальных отношений в Дагестане. Именно к этому периоду относятся интенсивная консолидация племенных групп и возникновение первых феодальных образований в пределах Дагестана (Серир, Кумух, Ак-Кадж, Филан, Лакз, Джидан).

В процессе феодализации закладывались основы формирования современных дагестанских народностей. Одновременно на базе племенных языков формировались языки этих народностей — аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин и других более мелких этнических групп. Так открылась новая страница этнической истории Дагестана.

SUMMARY

Daghestan is a mountain country; the nature of its terrain, formed by an intricate system of mountain ranges, isolated valleys and inaccessible gorges, considerably affected the ethnic history of the country, inasmuch as it ensured an uninterrupted process of the ethnic and economic development of the aboriginal population. These characteristic features of Daghestan orography were decisive for the assimilation by the aborigines of the migrants who penetrated to the foothills — in particular the nomad elements arriving from the Caspian steppe. Assimilation was rendered particularly easy by the fact that the nomads penetrated into old agricultural areas, and, in settling there, fully merged with the settled aboriginal population.

In the 1st-5th centuries of our era, Daghestan maintained active contacts with Eastern Transcaucasia — an ancient tradition dating from the Aëneolithic Age. Yet politi-

⁵³ Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 395.

⁵⁴ Я. А. Федоров, К вопросу об этногенезе кумыков, «Научные доклады Высшей школы», Серия Исторические науки, 1959, № 1, стр. 104—116.

cally Daghestan remained independent both from Albania and the Sassanides. Following the building of fortifications by the Sassanides in Derbent area, these contacts were somewhat checked, while ties with the North Caucasus were greatly enhanced, as evidenced by the penetration of the Alans to the foothills of Daghestan.

The struggle waged by the Khazarian Kaganate against the Sassanides, and later against the Arabs, did not interfere with the process of the autochthonous ethnic development of Daghestan, for hostilities took place in coastal Daghestan, with its innermost regions left intact.

The Khazars' attempts to win over the population of the foothill area, as well as the insistent attempts of the Arabs to get a firm foothold in Daghestan, promoted the consolidation of its tribes and the rise of domains of the early-feudal type.
